

РАЗДЕЛ III ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

А. П. Огурцов

Философия науки в 20 веке: успехи и поражения (статья первая)

Данная статья является первой из предполагаемого цикла, который будет посвящен судьбам философии науки в проходящем 20 веке. Выбор материала, оценка тех или иных философских направлений обусловлены личной точкой зрения, претендующей не на общеобязательность, а на более или менее полное описание успехов и провалов в философии науки 20 века. Кто-то другой, естественно, может предложить иной выбор тех концепций, которые составили лицо философии науки 20 века, иную оценку исследований, которые стали программными для философии науки, определили и во многом до сих пор определяют ее стиль мысли.

В середине 19 века в книге «Будущее науки», написанной в 1848 г., но опубликованной гораздо позднее, Э.Ренан писал: «Наука имеет ценность лишь постольку, поскольку она может заменить религию», «Наука представляет собой из себя религию. В будущем лишь наука будет давать символы веры и она одна сможет дать человеку разрешение вечных проблем, которого так настоятельно добивается человеческая природа»¹. Эти сциентистские притязания на то, что наука преобразует не только естественную, но и человеческую природу, отнюдь не умерли вместе с 19 веком. Они нашли свое продолжение и в 20 веке.

Конечно, не только эти сциентистские притязания вывели философию науки на первый план в философии 20 века, превратили ее в интенсивно развивающуюся область философской мыс-

* Исследование осуществлено по проекту РФФИ (грант 00-06-80159).

ли. Существенную роль в этом сыграли и такие всем очевидные факторы, как широкое и весьма успешное применение науки в технике, промышленности, экономике в целом. Знамя научности стало стягом нового века. Научная рациональность, утвердившаяся в странах Европы, послужила той почвой, на которой воздвигалась конструкция «европейского человечества», гуманной европейской культуры, которая вот-вот осчастливит плодами своей технической цивилизации все человечество. Первое десятилетие нового века и было десятилетием радужного восприятия и восторженной оценки успехов и научно-технических достижений европейской цивилизации. В этот же период начались глубокие преобразования в самом научном знании — критика механической картины мира дополнилась созданием специальной теории относительности, кардинально изменившей понимание пространства и времени, новейшие открытия в физике, начатые еще в конце 19 века Э.Резерфордом, привели к формулировке М.Планком и А.Эйнштейном понятия кванта, к изменению таких фундаментальных понятий, как энергия, материя, атом. Этот период В.И.Вернадский вполне справедливо называл периодом взрыва научного творчества.

Первое десятилетие: эмпиризм vs конструктивизм

20 век открылся выходом в свет работ двух выдающихся философов науки, каждый из которых принципиально по-разному определял и цели, и предмет философского исследования науки и тем самым задал совершенно различные стратегии философского исследования научного знания. В 1900 г. выходит «Анализ ощущений» Э.Маха, в 1902 г. первый том «Системы философии» Г.Когена «Логика чистого познания». Обычно первую стратегию называют эмпириокритицизмом, а вторую связывают с программой Марбургской школы неокантианства. Однако такого рода квалификации слишком общи и не выявляют специфические особенности именно философской интерпретации науки, которые не просто обратились к разным областям науки (естествознанию или математике), но по-разному строили программы исследования науки. Тем более, что и для неокантианства, и для неопозитивизма характерна критика опыта. Поэтому такого рода квалификации явно недостаточны и не схватывают своеобразие каждого из направлений философии науки.

Э.Мах в предисловии к «Анализу ощущений» подчеркивал: «За последнее время в науке все более и более встречается признание тот взгляд, что назначение ее должно ограничиваться обобщенным описанием фактов действительности. Признание этого взгляда логически приводит к исключению всех праздных допущений, недоступных контролю опыта и прежде всего допущений метафизических (в кантовском смысле слова)»². В этих словах достаточно четко выражена эмпиристская стратегия философии науки Э.Маха: задача науки — обобщенное описание фактов, задача философии — очищение опыта от праздных, спекулятивных допущений. Тем самым философия науки разворачивается Э.Махом в пределах гносеологии, ориентированной эмпирически и замкнутой на анализ сознания изолированного исследователя, хотя он и признает мир чужих Я и даже говорит в «Познании и заблуждении» о том, что «нет изолированного исследователя. Каждый ставит себе также и практические цели, каждый учится и у других и работает также для ориентировки других»³. Однако это положение высказано вскользь в качестве примечания относительно позиции теоретическо-методологического солипсизма Й.Петцольдта и В.Шуппе и не стало и не могло стать ядром эмпиристской стратегии Э.Маха, поскольку для этого необходимо было осознать коммуникативный характер познания, его включенность и сопряженность с сообществами и группами исследователей. Мысль трактуется как способ приспособления к среде. Никаких априорных и логико-теоретических предпосылок, аксиом и положений в мышлении не допускается в принципе. Среди праздных допущений, от которых необходимо избавить науку, — понятия причинности, субстанции, атома. С этим же связана и критика Махом механицизма, выдвижение на первый план метода установления сходства и аналогий.

Основная цель философии науки — описание опыта, установление непрерывности и функциональной связи всех его элементов — психических, физиологических и физических. Несомненной заслугой Маха был анализ понятий пространства и времени, числа и меры, умственного и физического эксперимента. Принцип экономии мышления, который обычно в нашей отечественной литературе оценивался негативно и непосредственно связывался с антиметафизическим и даже антитеоретическим пафосом этой стратегии философии науки, на деле был определенным вариантом принципа простоты, который был понят Махом методологически и выполнял важную эвристическую функцию. Суще-

ственно и то, что эта программа в философии науки была ориентирована на историю науки. Сам Мах оставил ряд историко-научных работ, сохранивших свою ценность и до наших дней, — по истории принципа сохранения, истории механики, учения о теплоте, физической оптики.

Важным компонентом этого варианта философии науки был культ научности, вера в науку как силу, преобразующую мир. С прогрессом науки Мах связывает грядущий прогресс человечества. «Вера в таинственные чудодейственные силы природы мало-помалу исчезла, но за то распространилась новая вера, вера в чудодейственную мощь науки. Доставляет же она сокровища, о каких ни в одной сказке не прочитаешь; и раздает она их, не как капризная фея — только счастливому избраннику, — а всему человечеству. Нет, поэтому, ничего удивительного, если поклонники ее, стоящие несколько поодаль, верят, будто она в состоянии открыть перед ними бесконечные, недоступные нашим чувствам глубины природы»⁴.

Философия науки, развитая в эмпириокритицизме Э.Маха, ориентировалась на эмпирический анализ научного опыта, существовавшего в эмпирических науках, и предполагала очищение его от всех философско-теоретических допущений. Слабости этой программы достаточно хорошо известны. Укажем лишь на то, что математика оставалась вне рамок этой философской программы исследования науки. Кроме того, сама философия науки зависала в воздухе, коль скоро она является формой теоретического исследования научного знания. Поэтому-то сам Э.Мах тяготел скорее к психологии научного исследования и к истории науки, чем к философии науки как таковой.

Альтернативной эмпиризму стратегией была философия науки, развитая неокантианцами Марбургской школы, прежде всего Г.Когеном и П.Наторпом. Сразу же отметим, что Коген не связывал свою программу исследования науки с теорией познания, называя сам этот термин неясным и многозначным. «Логика чистого познания» Когена начинается с уяснения многозначности термина «познание», которое может характеризовать и отдельное исследование, и различие между индивидуальным и всеобщим знанием, и акт познания, и чистое познание, которое, начиная с греческой философии, отождествляли с математикой, а марбургцы с принципами математического естествознания. Они сделали предметом своего исследования математику и математическое естествознание. Именно в математике они видели эталон научности. Марбургскую школу интересует прежде всего логическая струк-

тура научного знания, которая должна быть единой во всех науках. Эта структура в наиболее явной и чистой форме представлена в математическом естествознании. Его принципы формируются творческим чистым мышлением, которое творит не только форму, но и содержание познания. Мышление есть деятельность созидания. «Созидание и есть само создаваемое (Die Erzeugung selbst ist das Erzeugnis). Речь идет не том, что мышление создает мысли, в которых вещь, отделенная от мысли, рассматривается как нечто законченное, а о том, что само мышление есть цель и предмет своей деятельности»⁵. Подчеркивая суверенность, самостоятельность и изначальность мышления, Коген отождествляет мышление с мышлением генезиса (Ursprung), творения, генетическо-конструктивного полагания бытия. Опыт, столь существенный компонент математического естествознания, превращается Когеном в непознаваемую вещь-в-себе, поскольку опыт как целое не может быть дан в созерцании, его можно лишь мыслить. Тем самым опыт превращен у Когена в регулятивную идею, которая выполняет функции систематического единства научного знания. Предмет и опыт даны лишь постольку, поскольку они созданы мыслью. Этот тезис Коген выразил в парадоксальной форме: «Звезды существуют не на небе, а в учебниках астрономов».

Основной принцип философии науки Г.Когена — принцип Ursprung, генетического конструирования. «Логика должна стать логикой генезиса. Ведь генезис не только необходимое начало мышления, но и во всем процессе мышления он должен быть утвержден как движущий принцип. Все чистые знания должны быть вариациями принципа генезиса... Логика генезиса должна осуществить себя во всем своем построении. Во всех чистых знаниях, которые принимают их как принципы, принцип генезиса должен господствовать. Тем самым логика генезиса есть логика чистого познания»⁶. Коген вводит понятие первоэлементов чистого познания. К ним он относит не категории, а суждения (Urtheil), которые рассматриваются им как двухплановая деятельность, направленная на обособление и одновременно на объединение разделенных частей. Среди первоэлементов законов мышления он выделяет генезис, тождество и противоречие. К первоэлементам математики он относит реальность, множество, всеединство. Среди первоэлементов математического естествознания субстанцию, закон, понятие. К первоэлементам методики Коген относит возможность, действительность и необходимость.

Для него несомненно первостепенное значение математики для всех форм знания, в том числе и гуманитарного. «Математика имеет неоспоримое значение и для наук о духе. История основывается на хронологии. Политэкономия на статистике. Юриспруденция имеет, по крайней мере, свой исток в понятии условия, и проблема единства является для нее важной проблемой»⁷. Коген называет математику методологическим символом науки. Логика как философия науки рассматривалась Когеном как основа системы философии, которая мыслилась им как философия культуры, включавшая в себя этику чистой воли, где принцип генезиса становится принципом свободы, и эстетику чистого чувства. Завершение его философская система получила в работе «Понятие религии в системе философии» (1915), в которой теология пронизана иудаистским профетизмом.

Другой представитель Марбургской школы П.Наторп в гораздо более четкой форме выразил методологический характер стратегии этой школы. Он сам назвал свою стратегию «методическим идеализмом», перейдя позднее от логики точных наук к проекту «всеобщей логики», или «философской систематики», которая позволяет перестроить любые науки — от космологии до социальной педагогики, от социальной политики до социальной экономики. В книге «Логические основы точных наук» (1910) Наторп подчеркивает, что понятие факта в науке не имеет никакого смысла. Главное в науке — развитие, процесс, метод. «Процесс, метод есть все»⁸. Чувственно данное не существует: «для мышления не существует бытия, которое не было бы положено самим мышлением» иными словами «первоначальное бытие есть логическое бытие, бытие определения»⁹. Логическое мышление у марбургцев мыслится не как психологический акт, а как мышление, представленное в методе решения проблем. В этом методологизме растворяется предметное бытие, а предмет рассматривается скорее как задача, требующая своего решения и тем самым превращающаяся в бесконечный процесс должествования.

Наторп видит в категориях результат мыслительных актов, которые рассматриваются двухпланово — и как обособление (так возникает категория количества), и как объединение (так возникает категория качества). Следующая ступень развертывания категорий — отношение, которое завершается категорией модальности, характеризующей предмет. В качестве априорных логических структур математики Наторп специально анализирует понятия числа, пространства и отношения. В отличие от Канта Наторп исклю-

чае из конструирования этих понятий созерцание, подчеркивая, что они являются функциями чистого мышления. Трудности для Наторпа возникают при конструировании понятия существования, в частности, при чисто логическом выведении трехмерного пространства евклидовой геометрии. Не меньшие трудности возникают и при выведении математических принципов естествознания, в частности, логической дедукции понятия субстанции, в допущении им энергии, сохраняющейся в пространстве. Все эти трудности обусловлены стратегией этой философии — исключить из философии науки опыт и осмыслить научное знание как сугубо логическую конструкцию чистого мышления. Однако заслугой П.Наторпа является то, что он стремится показать приоритет метода, определяющего движение научного знания. Закон этого процесса есть основной закон логики, чистого мышления, или закон метода. В процессе познания создается и предмет, и форма познания. Создание предмета и есть синтетическая деятельность мышления. Синтез и есть первоначало, основная черта генетико-конструктивной деятельности (Ursprung) мышления.

Важным вопросом для Наторпа является различение математики и логики, которое интенсивно обсуждалось в этот период, когда в работах Л.Кутюра, Б.Рассела и А.Уайтхеда формируется математическая логика. Согласно Наторпу, математика нацелена на развитие логического, логика же — на предельное единство, к которому все логическое должно быть возвращено в соответствии со своим понятием. Для Наторпа фундаментальные понятия математики, ее аксиомы должны быть выведены из чисто логических понятий и принципов. Поэтому в отличие от Б.Рассела и Л.Кутюра он не признает отождествления математики с логикой и не приемлет формалистического характера логики отношений, частью которой, по замыслу Кутюра, должна быть «алгебра логики»¹⁰, основанная на изучении отношений включения (подчинения) понятий.

Трансценденталистская логика точных наук постепенно разветвлялась у Наторпа в некую «всеобщую логику» философской систематики, построенной по типу гегелевской триады, но называемой им тремя ступенями — недифференцированности, дифференциации и совпадения противоположностей. Всеобщая логика мыслится им уже как логика смыслополагания, как логика, не только преодолевающая все различия (например, субъекта и объекта), но и утверждающая существование единого, но многостороннего первосмысла бытия — логоса. В лекциях 1922-23 гг. Наторпа, изданных в 1959 г. под названием «Философская систе-

матика» («Philosophische Systematik») вопрос о смысле слова, высказывания, логоса считается уже мучительной загадкой, чудом и вопросом вопросов. Бог, или первологос, рассматриваются теперь как источник всего творения и предпосылка познания. Бог создал человека и тем самым его теоретический и практический разум. Панлогическая тенденция, которая находила свое выражение в трансцендентализме, выразилась теперь в определении цели «всеобщей логики» — постичь смысл, Логос.

Этот поворот от трансценденталистского исследования основ научного знания к утверждению трансцендентного первологоса существенно изменил и исходные предпосылки философии науки Марбургской школы. Теперь уже ориентация на факт науки рассматривается как ограниченность и недостаток. Наука и ее метод оцениваются лишь как низшая ступень восхождения к Логосу, науке присущи релятивность, смена методов, сомнения в аксиоматическом характере своих оснований, состояние кризиса. Наука не может обрести окончательную истину, она лишена смысла для жизни, хотя и представляет собой часть жизни. Над областью науки, которая Наторпом отождествлялась с теоретическим исследованием, возвышаются области практики и творчества (Poiesis). Теперь уже категории трактуются не как функции логико-теоретического разума, а как творческие формы смыслополагания, как формы бытийственного языка, духовного творения мира. Активистско-идеалистический момент, подчеркивавший конструктивную природу математики и математического естествознания, теперь уже приписывается Богу, первологосу, первослову. Трансцендентализм как стратегия философии науки, ориентировавшая на выявление имманентного смысла научных понятий и теорий, обернулся религиозным утверждением трансцендентности первологоса — секуляризированным обозначением Бога.

В 1910 г., как бы завершая первое десятилетие, выходит книга Э.Кассирера «Substanzbegriff und Funktionsbegriff», которая через два года выходит в русском переводе «Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции» (СПб., 1912). Кассирер выступает с критикой аристотелевской теории абстракции, которая основывается на родовидовых отношениях между понятиями, на обратном отношении между объемом и содержанием понятий и на допущении понятия субстанции: «Определение понятия через его ближайший высший род и через отличительный признак отображает то поступательное движение,

путем которого реальная субстанция развертывает последовательно свои частные формы бытия. И с этим основным понятием о субстанции постоянно связаны и чисто логические теории Аристотеля. Полная система научных дефиниций была бы в то же время полным выражением субстанциальных сил, господствующих над действительностью»¹¹. Критика понятия субстанции, развернувшаяся в философии 20 века, — от имманентной философии до эмпириокритицизма и программы описательной физики, — была доведена Кассирером до критики теории образования понятий, которая предполагает и основывается на понятии субстанции. Этому типу образования понятий Кассирер противопоставляет образование понятий в математике, которую отличает мысленное установление конструктивной связи, выведение систематической связи мысленных образов в акте полагания, «свободное творчество определенных связей отношения»¹². Восприятия должны располагаться в «ряды сходств». «Без процесса подобного расположения в ряд, без пробегания взором различных моментов не могло бы возникнуть сознания их родовой связи и, значит, не мог бы возникнуть и абстрактный предмет». Противопоставляя математическое онтологическому, Кассирер выдвигает на первый план логику математического понятия о функции в противовес логике понятия о субстанции. Понятие о функции рассматривается им как всеобщая схема и образец, в соответствии с которым строятся и понятия современного естествознания, а не только математики. В 4-ой главе своей книги Кассирер подробно останавливается на основных понятиях физики, прежде всего механики, для того, чтобы в отличие от позитивизма показать, что естественные науки зависят «от посылок, выходящих из рамок данного в чувственном опыте» и вводят идеальные предельные образы, которые «мы абстрактно ставим на место эмпирических данных чувственного восприятия»¹³ — движение в однородном пространстве чистой геометрии, непрерывность времени и др. Естествознание основывается на общих логических принципах, которые не могут редуцированы к чувственно данным, прежде всего на понятии предела и тем самым понятии ряда. «Ни одна естественнонаучная теория не относится непосредственно к самим этим фактам, но только к идеальным пределам, которые мы мысленно ставим на их место»¹⁴. Геометрическое пространство — базисное понятие механики — оказывается вместе с тем основой для введения понятий об отношениях. Эту мысль Кассирер обосновывает на материале истории физики и химии,

подчеркивая, что происходит прогрессирующее преодоление эмпирического материала и выявление такой особенности логического процесса, когда обнаруживается интеллектуальное господство понятия над фактами. Закон и факт в естественных науках «находятся в живой функциональной связи, относясь друг к другу как средство и цель»¹⁵. Зная об отношении между элементами *a*, *b*, *c*... можно выделить его и построить понятие, которое нельзя построить, исходя из простого существования этих элементов. Исходным для Кассирера является понятие отношения, которое устанавливается мышлением. И совокупность этих отношений, связей, функций и есть то, что называется природой. Исторические истоки и формы этой конструктивистской интерпретации математики и естествознания, подчеркивающей методологическую значимость понятия ряда, или функционального отношения, Кассирер прослеживал в фундаментальном исследовании «Проблема познания в философии и науке нового времени» (*Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit*, Bd. 1, 1906, Bd. 2, 1907, Bd. 3, 1920, Bd. 4, 1957).

В это же десятилетие продолжались исследования методологии исторических наук, начатые неокантианцами Баденской школы (В. Виндельбандом, Г. Риккертом) еще в конце 19 века и переросшие позднее в осмысление наук о культуре. В противовес позитивистской ориентации исторических наук на выявление фактов, и только фактов, Виндельбанд уже в 1894 г. в речи «История и естествознание» противопоставил естествознание как науку о законах истории как науке об однократных реальных событиях. Если естественные науки — номотетические науки, т.е. законополагающие, то исторические науки — идеографические науки, т.е. описывающие отдельные случаи. Это описание предполагает отнесение к ценности, которая и оказывается масштабом истолкования. Все науки о культуре предполагают сознание, которое требует существования норм, вытекающих из ценностей и значимых для реализации поведения человека. Методологическое различие номотетических и идеографических наук обосновывается неокантианцами по-разному — Виндельбандом с помощью различения каузальной закономерности природных явлений в противовес свободе души в работе «О свободе воли» (*Über Willensfreiheit*, 1904), С. Гессеном с помощью введения понятия «индивидуальной причинности» (*Individuelle Kausalität*, 1909) в противоположность причинности как всеобщей закономерности, присущей естествознанию, Г. Риккертом с помощью введения

двух разных способов рациональной обработки чувственно данного: если естествознание иррациональный материал опыта превращает в гомогенный континуум, то исторические науки о культуре — в гетерогенную дискретность, или в ряды событий. Историческая связь между событиями осмысливается благодаря отнесению к надисторической системе ценностей, которые функционируют как принцип выбора исторически значимого.

Баденцы обратились к изучению общезначимых культурных ценностей, которые как таковые не обладают существованием, а лишь значимостью (*Gelten*). Причем между ними также не было единства в понимании ценностей: одни из них (Виндельбанд) отождествили ценность и норму, другие (Риккерт, Г.Мюнстенберг) отделяли ценность, оценку и норму. В статьях «О понятии философии» (Логос, кн. 1, 1910) «Два пути теории познания» (Новые идеи в философии, сб. 7, СПб., 1913) Риккерт выделяет три царства — действительность, ценности, представленные в благах культуры, и смысл, существующий в актах оценки. Характеризуя взаимоотношения субъекта и объекта в теории познания, Риккерт вынужден допустить существование безымянного, трансцендентального, безличного субъекта, которому оказывается имманентной вся действительность. Связав истинное знание с формой суждения, он ставит вопрос о том, в чем же заключается объективность суждения? Отвергнув психологическое истолкование акта суждения, Риккерт обращается к акту оценки, поскольку суждение всегда связано с утверждением или отрицанием ценности. Именно ценность придает познанию характер необходимости, причем необходимости долженствования и тем самым истинности. Смысл придает значимость актам суждения и он обладает вневременным характером. Царство смысла, понятое им как срединное между бытием и ценностями, все более и более трактуется им как нечто трансцендентное, отделенное и отдаленное и от реальных актов познания, и от действий человека. Оно все более и более замыкается в своем объективно-идеальном, потустороннем бытии, которое «значит» ни для кого. Как перейти от трансцендентного мира ценностей к имманентному миру, остается тайной тайн для Риккерта, который сам же подчеркнул, что об этом теории познания не должна спрашивать.

В последующем Риккерт все более подчеркивал примат практического разума перед теоретическим, обосновывая уже ценность истины понятием долга, познания — волей, науки — практическим стремлением как последней основой всякой истинности. Его

поворот к построению «системы ценностей» («О системе ценностей», «Логос», 1914. кн. 1, вып. 1, Von System der Werte, Logos, Bd. 4, 1914; System der Philosophie, Bd. 1, 1921) свидетельствовал о том, что он перешел от философии науки и теории познания к философскому обоснованию наук о культуре и культуры как таковой. Борьба против психологизма в гносеологии и философии науки завершилась признанием необходимости трансцендентального психологизма, критика философии жизни обернулась приятием примата воли, попытка осмыслить религию лишь в пределах разума — оправданием религии как святой силы.

Основная линия неокантианского конструктивизма заключалась в осмыслении статуса и способа существования сферы значимости, которая, по его мнению, должна обосновать как естествознание, так и культуру. В конечном итоге они пришли к размежеванию двух сфер — сферы бытия как чувственного и гетерогенного материала научных понятий и сферы «значимости», представленной в форме научного знания, его понятий и суждений. Наиболее ярким примером этого могут служить работы Э.Ласка «Логика философии и учение о категориях» (1911) и «Учение о суждении» (1912), где категории мыслятся как формы, превращающие материал в предметность, значимость как переживание транссубъективной ценности, а познавательное отношение субъекта и объекта как сугубо созерцательное, укорененное в смысловой и аксиологической полноте жизни.

Первое десятилетие: реализм vs конвенционализм

В 1900 г. выходит в свет первый том «Логических исследований» Э.Гуссерля — книга, которая оказала громадное влияние на формирование философии науки и ее исследовательских программ. Первый том имел подзаголовок — «Пролегомены к чистой логике». В 1901 г. выходит в свет второй том — «Исследования по феноменологии и теории познания» (ч. 1) и «Элементы феноменологического выяснения познания» (ч. 2). Первый том «Логических исследований» почти целиком посвящен критике психологизма. Для Гуссерля одним из вариантов психологизма была концепция «экономии мышления», развивавшаяся Э.Махом и Р.Авенариусом. По словам Гуссерля, принцип экономии мышления возвращает нас к психологическому обоснованию, подставляет фактически данное вместо логически идеального. Эмпириокритицизм не в состоянии постичь идеальную сторону и идеаль-

ную направленность мышления, редуцируя их к фактам психической жизни и к актам адаптации к среде. По характеристике Гуссерля, «сама по себе чистая логика предшествует всякой экономике мышления» и одним из заблуждений этой концепции науки является попытка построить логику на принципе экономии мышления, т.е. логику на основе психологии. Преимущественная ориентация на эмпирическую сторону науки — таково другое заблуждение этой философии науки, которое объясняет и то, что идеальная связь необходимости подменяется потоком случайных представлений и убеждений¹⁶. Гуссерль ставит перед собой задачу — дать новое обоснование теории науки и предлагает новую интерпретацию логики, понимаемой им как наукоучение, и теории познания, отождествляемой им с феноменологией. В противовес доминировавшему в философии науки психологизму он с самого начала подчеркивает, что «область какой-либо науки есть объективное замкнутое единое целое... Царство истины объективно делится на области, и исследования должны вестись и группироваться в науке сообразно этим объективным единствам»¹⁷.

Интерпретируя логику как науку о науках, как наукоучение, он связывает науку со знанием, причем со знанием, обладающем истиной и отличающемся от мнения. Критерием истинности является очевидность. Существенной характеристикой науки является для Гуссерля то, что наука есть систематическая связь в теоретическом смысле, единство связи обоснований, систематическое единство, представленное в теории. Тем самым логика как теория науки сводится им по существу к логике обоснования, которая восполняется исследованиями теории и методов отдельных наук. Решающим оказывается анализ процедур обоснования, а исследование методов отдельных наук не может быть осуществлено вне и помимо выявления связи обоснования: «каждый метод представляет собой совокупность приемов, выбор и порядок которых определяется связью обоснования»¹⁸. Итак, логика как наукоучение невозможна без выявления единства обосновывающей связи, задающей последовательность ступеней обоснования. Наукоучение направлено на постижение системного единства дифференцировавшегося научного знания, задавая идеальную норму и образцы отдельным наукам: «Логика исследует то, что относится к истинной, правильной науке, как таковой, другими словами, то, что конституирует идею науки, чтобы, приложив полученную мерку, можно было решить, отвечают ли эмпирические данные науки своей идее, или в какой мере они к ней прибли-

жаются, и в чем они от нее отклоняются. В этом логика проявляет свой характер нормативной науки...»¹⁹. Возникает вопрос: чем же отличаются нормативные и теоретические науки? Согласно Гуссерлю, нормативные суждения предполагают известного рода оценку и фундаментальную норму, в теоретических суждениях отсутствует их связь с мерой ценности, как источником преобладающего интереса нормирования. Интерпретация философии науки как нормативной дисциплины является для Гуссерля вариантом психологизма, коль скоро нормы логики редуцируются к актам оценки. Психологизму Гуссерль противопоставляет объективность научного знания, понимаемого как единство теоретических положений и способов теоретического обоснования, имеющего идеальный характер. В теоретическом знании единство и порядок познаний определяется теоретическим интересом. Согласно Гуссерлю, основой нормативных наук являются теоретические науки. Теоретическое знание, понимаемое им как систематическое единство, определяется внутренней целью, телеологичностью знания. Истина едина и есть единство знания в надвременном царстве истины.

В философию науки и в логику Гуссерль вслед за Б.Больцано ввел понятие истины-в-себе как идеального единства, обладающего онтологическим статусом. Истина существует вне и до всякого знания. Она лишь реализуется в знании. Наука — это идеальное царство истин, реализующееся в актах познания. Наука трактуется им как объективная или идеальная связь, как единство, понятое двояким образом: «как связь вещей, к которым интенционально относятся переживания мышления (действительные или возможные). И как связь истин, в которой вещное единство приобретает объективную обязательность в качестве того, что оно есть. И то, и другое а priori даны совместно и нераздельно»²⁰.

Единство науки и единство ее предметной области определяется единством связи обоснования. Закономерности вещей, необходимость истины и познание основания представляют собой, по Гуссерлю, равнозначные выражения. Поэтому он делает акцент в логике как наукоучении на систематическом единстве идеально замкнутой совокупности законов, которое совпадает с необходимостью истины и с единством систематически завершенной теории. Теоретическое знание основывается на единстве истин и на единстве объяснения, т.е. на однородном единстве объясняющих принципов. Форма объединения истин в науке — дедуктивна.

В заключение первого тома «Логических исследований» Гуссерль ставит вопрос об условиях возможности науки и теории вообще, проводя различие между ноэтическими условиями возможности познания, которые вытекают из идеи познания как таковой, и логическими условиями, коренящимися в содержании познания. Эта трансцендентальная постановка вопроса реализуется им в трех планах: Что составляет сущность теории как таковой? Каковы первичные элементарные понятия, из которых конституируется понятие теории? Каковы чистые законы, которые придают теории единство?

Логика мыслится уже как априорная теоретическая номологическая наука, относящаяся к идеальному существу науки как таковой, т.е. как теория теорий, целиком и полностью исключая всякие эмпирические или антропологические аспекты. Теория науки, понятая как теория теорий, имеет дело с первичными понятиями (понятие, положение, истина и др.), с их соединениями (например, конъюнктивными, гипотетическими и др.). Кроме того, теория науки должна выявлять законы, характеризующие объективное значение и усложнение этих понятий. И, наконец, теория науки должна рассматривать априори формы теорий и соответствующие законы их отношений. Так интерпретируемая теория науки апеллирует прежде всего к чистой категории значения и весьма далека от эмпирических наук. Для того, чтобы перейти к обоснованию эмпирических наук, Гуссерль вводит чистое учение о вероятности, поскольку в опытных науках объяснение исходит не из очевидно достоверных, а из вероятных законов. Но и в вероятных законах он усматривает идеальные элементы и законы, которые и составляют условие возможности эмпирической науки.

Разграничив логику и теорию познания, отождествляемую им с феноменологией, Гуссерль обращает внимание на то, что структуры чистой логики представлены в конкретных психических переживаниях, связаны с языковыми выражениями, образуя с ними феноменологическое единство. Поэтому анализ переживаний мышления и способов выражения и составляет предмет второго тома «Логических исследований» — феноменологии. Гуссерль проводит различие между естественной и феноменологической установками, что позволило ему избежать упреков в реставрации психологизма, который он подверг критике в первом томе «Логических исследований». Предметом феноменологии оказываются не сами предметы, а то предметное содержание, которое интен-

ционально существует в актах мышления, представления, восприятия и др. Центральным понятием феноменологии на этом этапе является понятие значения, которое оказывается коррелятивным понятию выражение. Отвлекаясь от конкретных форм выражений, данных «здесь» и «теперь», он стремится выявить в высказываниях нечто тождественное, не зависящее от того, кто их высказывал, при каких обстоятельствах и при каких условиях были осуществлены эти высказывания. Это тождественное и есть идеальное значение, или идеальное содержание высказывания. Помимо этой самождественности значения Гуссерль обращает внимание на его интенциональность, вовлекающую в сознание «обстояние дела» (*Sachverhalt*), и на полноту его осуществления. Значение отождествляется им с идеальной предметностью и со смыслом понятий, принципиально отличаясь от предметов. Истина и есть коррелят акта идентификации, характеризую адекватностью интенции с истинным предметом. Идеирующая абстракция, или усмотрение идеальной сущности, и является тем актом, который позволяет постичь тождественность значения. Гуссерль настаивает на идеальном единстве и единственности значения, на его постоянстве и самождественности (*Selbigkeit*). Это означает, что, делая акцент на существовании истин самих по себе, Гуссерль оставляет без внимания проблему языка, хотя и говорит о выражении значения. Однако это выражение однозначно, значение лишь флуктуирует в выражениях, оставаясь одним и тем же. Важно и то, что проблематику значения и многообразия актов его выражения он выносит за пределы логики в феноменологию. Именно феноменология делает своим предметом суждения, выражающие позицию говорящего и акты переживания. Значение же трактуется им как отсылка к предмету — реальному или мнимому. Поэтому логика как теория теорий должна элиминировать проблему эквивокаций, очистить теоретическое знание от двусмысленностей и многозначности, коль скоро значимость самождественна и единственна. «Язык представляет мыслителю широко применимую систему знаков для выражения его мыслей; но, хотя никто не может обойтись без нее, она есть в высшей степени несовершенное вспомогательное средство для точного исследования. Всем известно вредное влияние эквивокаций (двусмысленностей) на правильность умозаключений. Осторожный исследователь может пользоваться языком, лишь искусно обезопасив его; он должен определять употребляемые им термины, поскольку они лишены однозначного и точного смысла»²¹. Он

отмечал, что в логике эквивокация имеет роковое значение, а спутанность понятий существенно задерживала успехи познания²². Конечно, борьба против спутанности и двусмысленности логических понятий — важнейший путь определения предмета логики. Она была характерна для всей истории логики — от Аристотеля с его учением о категориях как родах сущего, позволяющих избежать логических ошибок, до Канта с его учением об амфиболиях. Но за этим неприятием Гуссерлем эквивокативности языка и познающего разума кроется стремление выявить самотождественное и единственное значение, ограничить язык лишь коммуникативной функцией, оставив вне логико-теоретического рассмотрения его семантику. Позицию Гуссерля периода «Логических исследований» можно охарактеризовать как платонистский реализм, утверждающий существование истин самих по себе и настаивающий на самотождественности и постоянстве значений. Мир объективно-идеальных значимых структур лишь реализуется в актах переживания, флуктуирует в феноменологически разноликих актах познания, представления, восприятия и др. Феноменология же мыслится им как способ вынесения за скобки всех отождествлений и двусмысленностей для того, чтобы достичь структурно единообразного мира самотождественных и инвариантных значений.

Трансценденталистская постановка вопроса об условиях возможности обоснования теоретического знания позволила Гуссерлю наметить пути наукоучения, понимаемого им как построение теории теорий. Однако на этом пути он вынужден был элиминировать теоретические и методологические особенности отдельных наук, подчинив их своей основной задаче — выявлению инвариантных структур значений. Вместе с тем и содержание наукоучения оказалось в «Логических исследованиях» резко суженным: из него «выпала» такая его часть, как эвристика, которая даже у Б.Больцано восполняла логику как теоретическую часть наукоучения. Все эвристические процедуры отдельных наук, все методологические приемы отдельных наук, все особенности построения теоретического знания в различных науках были вынесены за скобку и акцент делался на усмотрении единой теоретической структуры многообразия теорий. Упор на единство, причем на единство теоретическое, повлек за собой подчеркивание единственности и единства объективно-идеальных структур значимости и умаление эвристическо-процессуальной стороны научного познания. Феноменологическое описание актов переживания,

которое, казалось бы, должно было возместить умаление эвристически-процессуальной стороны познания, не смогло этого сделать, поскольку даже в феноменологии опять-таки делался акцент на единых структурах и формах переживания. Вынесение за скобку проблем языка коренилось в убежденности в объективности и идеальности значения и вместе с тем оказалось чреватым абсолютизацией логических структур однозначных понятий и элиминацией всех сложных перипетий выражения мысли в языке и речи.

Философской концепцией науки, альтернативной платонистскому реализму, был в этот период конвенционализм, настаивающий на том, что все познавательные формы, понятия, теории являются результатом конвенции между учеными, результатом их соглашения. Тем самым познавательные и понятийные средства лишались объективно-идеального значения и обладали лишь статусом условных конвенций, возникающих в научной практике и исчезающих из нее по соглашению. В 1900 — 1901 гг. в журнале «Revue de Metaphysique et de Morale» выходят две работы французского философа Э.Леруа «Наука и философия» (*Science et philosophie*) и «Новый позитивизм» (*Un positivisme nouveau*). Имя Леруа нам известно преимущественно как создателя термина «ноосфера», предложенного им в 20-е годы в лекциях, которые слушали Тейяр де Шарден и В.И.Вернадский. Но в эти годы Леруа отстаивал идеи конвенционализма, который сочетался с радикальным инструментализмом. Наука, по его мнению, имеет дело с твердыми телами и целиком ориентирована на действие (*action*), на его результативность. Подобное ограничение предмета исследования науки, имевшее своим истоком философию Э.Бергсона, не соответствовало реалиям научного знания, которое перешло к исследованию изменений и процессов. Согласно Леруа, факты, законы и теории — результат конвенций. Факты формируются духом из непрерывной, бесформенной данности благодаря символам: «научные факты являются действительными фактами для исследователя, который их констатирует. Они никоим образом не даны ему извне»²³. Законы конструируются исследователем. В этом конструировании громадную роль играет язык. Леруа одним из первых мыслителей обратил внимание на эвристическую функцию языка, истолковывая факт как метафору данного, закон как метафору фактов, а теорию как всеобщую схему предствления и символический образ, не подвластный ни опыту, ни дискурсивной объективации. Хотя Леруа и обратил внимание на роль языка, однако

недоверие к дискурсивности привело его к критике научной рациональности, отождествлявшейся им с совокупностью конвенций, имеющих инструментальное значение.

Кутюра в своей рецензии на работу Леруа «Наука и философия» охарактеризовал его философско-гносеологические идеи как номинализм, с чем сам Леруа не согласился (Couturat. *Contre nominalisme de Le Roy*, — *Revue de Metaphysique et de Morale*, P., 1900, p. 87-93). А.Пуанкаре в книге «Ценность науки» в разделе «Объективная ценность науки» называет философскую теорию Леруа номинализмом и антиинтеллектуализмом. И эта оценка двух мыслителей конвенциализма как номинализма вполне справедлива.

В 1906 г. выходит в свет книга П.Дюгема «*La Theorie physique, son objet et sa structure*» (в русском переводе «Физическая теория, ее цель и строение», СПб., 1910). Сделав своим предметом математическую физику, он рассматривал физические теории как конструкции, которые не имеют никакого соприкосновения с реальностью, как символическо-знаковые образования, которые оторваны от мира природных явлений. «Теоретическая физика не постигает реальности вещей, а она ограничивается только описанием доступных восприятию явлений при помощи знаков или символов»²⁴. Экспериментатор устанавливает связь между абстрактными, символическими понятиями, «соответствие между которыми и наблюдаемыми в действительности фактами устанавливается исключительно теориями»²⁵. Физический закон — символическое отношение. Физическая теория — это система понятий-символов, в применении к которым нельзя говорить ни об истине, ни о заблуждении. Конвенциализм Дюгема тесным образом связан с программой т.н. описательной физики, развивавшейся Г.Герцем, Клиффордом и др., со стремлением физиков рубежа 19 и 20 веков освободиться от метафизических предрассудков, одними из которых были причинность, эфир, субстанция и пр. От ряда натурфилософских и метафизических оснований естествознание начала 20 века освободилось, от других же — так и не смогло освободиться, в частности, от детерминизма.

В 1902 г. выходит книга А.Пуанкаре «Наука и гипотеза», в 1905 г. — «Ценность науки», в 1909 — «Наука и метод». Уже в самом начале книги «Наука и гипотеза» Пуанкаре обращает внимание на то, что некоторые фундаментальные гипотезы естествознания являются конвенциями, условно принятыми соглашениями — «эти условные положения представляют собой продукт свободной деятельности нашего ума, который в этой области не

знает препятствий»²⁶. Но эти соглашения отнюдь не произвольны, они руководствуются и контролируются опытом. Любая научная теория является своего рода гипотезой. Критерием выбора между научными конвенциями является для Пуанкаре критерий удобства. Сам Пуанкаре проводил различие между понятиями геометрии, которые являются конвенциями, и понятиями физики, которые, хотя и являются конвенциями, но проверяются и опровергаются опытом. «Геометрические аксиомы не являются ни синтетическими априорными суждениями, ни опытными фактами. Они суть условные положения (соглашения): при выборе между всеми возможными соглашениями мы руководствуемся опытными фактами, но самый выбор остается свободным и ограничен лишь необходимостью избегать всякого противоречия» (Там же, с. 40). Опыт не может, по его словам, обосновать выбор между геометриями Евклида или Лобачевского. Критерий выбора — удобство. И он ничего не говорит об объективности или общезначимости геометрии. В отличие от аксиом геометрии и принципы механики, хотя и являются конвенциями, однако имеют опытное происхождение и могут проверяться на опыте. И в этом принципиальное расхождение между философскими концепциями Э.Леруа и А.Пуанкаре. Не рассматривая всей концепции науки А.Пуанкаре, в которой выдвинуто немало плодотворных идей (осмысление роли гипотез в науке, разделение гипотез на три вида, движение науки к простоте и к единству и одновременно к сложности и многообразию, трактовка науки как системы отношений, выдвигание принципа относительности), отметим, что развитие научного знания Пуанкаре рассматривал как переход от условных конвенций к опытным, экспериментальным истинам. Так, говоря о принципе относительности, он заметил, что «он уже не является больше простым условным соглашением, он доступен проверке и, значит, может быть опровергнут опытом. Он — экспериментальная истина» (Там же, с. 427). Речь шла о принципе Лоренца, на котором стала строиться новая физика. Позицию Пуанкаре нельзя охарактеризовать как радикальный конвенциализм. Он сохраняет действенность конвенциализма для определенных разделов научного знания — математики прежде всего и геометрии в частности. Для других же разделов науки интерпретация понятий и законов в духе конвенциализма разрушительна и не адекватна цели и ценности науки. Поэтому он и выступает с критикой радикального конвенциализма Э.Леруа, считая его номиналистом, который отказывал науке в объективной ценности.

Конвенционализм в философии науки обратил внимание на важную роль в науке условных соглашений, фикций, согласия в выборе гипотез и методов исследования. По сути дела, конвенционализм противостоял платонистскому реализму в интерпретации науки и представлял собой иную — номиналистическую линию в понимании науки. Противоборство реализма и номинализма как двух философских ориентаций в интерпретации науки привело к формированию принципиально различных образов науки, ее целей и структуры.

От лингвистического поворота в философии науки к философии языка

В 20-х гг. неокантианцы и Марбургской и Баденской школ осуществляют важный поворот в теории познания, поворот к языку как важнейшей функции разума, без которой невозможно осмыслить ни содержание, ни акты познания. Кассирер разворачивает учение о символических формах духа — мифе и языке. Х.Книттермейер (1891—1958) говорит о чуде слова и разговора, в котором душа открывается миру и мир — душе. Для него не трансцендентальное сознание, а слово и язык оказываются изначальноными и все философские проблемы уже выводятся из философии языка, из чуда слова. В эти же 20-е годы Г.Г.Шпет — русский феноменолог — осуществляет поворот феноменологии к проблематике языка во всей ее сложности и многоаспектности. Для него «слово — не обман, не символ только, слово — действительность, вся без остатка действительность есть слово, к нам обращенное, нами уже слышимое, ждущее вашего, философы, уразумения»²⁷. Гуссерль периода «Логических исследований» настаивал на том, что необходимо вынести за скобку, подвергнуть феноменологической редукции вся языковые отождествления и возвратиться «к самым вещам» — референтам чистого значения. Вслед за ним и ранний Шпет полагал, что «язык наш — враг наш. Почти за каждым высказываемым или воспринимаемым словом таится, как в засаде, омонимия»²⁸. Позднее в 20-е гг. его позиция существенно изменилась — в центре внимания оказались проблемы герменевтики, проблемы внутренней формы слова и осмысление наследия В.Гумбольдта. Шпет одним из первых феноменологов обратился к проблематике философии языка, выявив формообразующую силу языка, стал исследовать семантику языка, сделав его моделью всякой культуротворческой деятельности.

Хотя можно выявить определенные корреляции между поворотом философии к анализу символических форм и символизацией математики (программа Д. Гильберта), логики (работы Б. Рассела, Л. Кутюра) и даже живописи (абстракционизм К. Малевича и Кандинского), между осмыслением важнейшей онтологической роли «естественного языка» в неогумбольдтианстве и попытками укоренить все понятия науки в символических формах родного языка, все же лингвистический поворот в философии вообще и в философии науки, в частности, означал, что прежний гносеологический подход к структуре и общезначимым формам научно-теоретического знания оказался уже неадекватным и далеким от реальных проблем науки 20-х гг., которая находилась в интенсивных поисках новых методологических средств и в острых спорах относительно своих оснований (можно напомнить споры относительно квантовой механики и генетики). В мае 1954 г. выдающийся физик Г. Вейль, вспоминая о годах молодости, обратил внимание на значение идей В. Гумбольдта, Л. Витгенштейна и Э. Кассирера для осмысления роли символического языка в научном познании. Так, говоря об анализе Кассирером символических форм, он писал: «Кассирер находил, что общей особенностью, присущей им всем, является символ, символическое представление... Изучение этих символических форм на основе подходящих структурных категорий должно в конечном счете стремиться к тому, чтобы продемонстрировать их как органичное целое». Вейль многое восхищалось в проведенном Кассирером анализе, который свидетельствовал об уме редкой универсальности, культуры и интеллектуального опыта²⁹. Не только философия символических форм Кассирера свидетельствует о лингвистическом повороте в философии науки. Это относится и к философии Л. Витгенштейна, и к философии естественного языка. Этот лингвистический поворот в философии науки будет предметом нашего исследования в последующих статьях об успехах и поражениях философии науки в 20 веке.

В 20-е годы складывается новая исследовательская область философии — *философия языка*, в которой не просто анализируется взаимосвязь мышления и языка, а выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания. Термин «философия языка» был предложен П.И. Житецким (1900), А. Марти (A. Marty, 1910), К. Фослером (K. Vossler, 1925), О. Функе (O. Funke, 1928), М.М. Бахтиным и В.Н. Волошиновым (1929).

Классическая философия тематизировала проблематику языка под двумя углами зрения: 1) объяснения генезиса языка, где были выдвинуты две альтернативные концепции — возникновение языка по природе (концепции, развивавшиеся от софистов и стоиков до Просвещения) и по конвенции (от греческих атомистов до Т.Гоббса и Ж.-Ж.Руссо) и 2) взаимосвязь языка и мышления, причем при всем многообразии концепций, обсуждавших этот круг проблем, их объединяло то, что язык рассматривался как пластичный материал выражения мысли, которая трактовалась как безличная, объективно-идеальная структура однозначных значений. Язык для классической философии — зеркало рассудка (Д.Локк, Г.Г.Лейбниц). Конечно, опосредованным образом специфическая структура языка задавала и перспективу категориального расчленения, поскольку категории выявлялись (Аристотелем, Кантом, Тренделенбургом и др.) как типы связки в суждениях, отождествлявших с предложениями, а типы связки субъекта и предиката весьма различны в различных языках. Так, в иврите не существует прямого аналога слову «есть», поэтому «весь строй еврейской мысли связан с реалиями, отличными от понятий бытия, сущности, объекта, предикации, доказательства и т.д.»³⁰, а вещь оказывается встречей двух волей, скрещением действия и отношения. Но все же трансцендентализм стремился освободить мышление от сопряженности с языком и ориентировал философию на постижение структур чистого мышления вне языковой реальности. Гердер, Гаман и В.Гумбольдт, подвергнув критике трансцендентальную философию И.Канта, поняли язык как органон рассудка, как способ существования и функционирования ума. В.Гумбольдт задал принципиально новую перспективу исследования языка, который был понят им как «самодеятельное начало»³¹, не как мертвый продукт, а как созидающий процесс, не как продукт деятельности (Ergon), а как деятельность (Energiea)³². Статус языка после Гумбольдта в корне изменился — из пластичного материала выражения духа он стал постоянно возобновляющейся работой духа. Язык и образует тот мир, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека. И этот языковый мир не просто податливый материал для выражения мысли, он сам является энергичной активностью, задавая определенные диспозиции восприятию и мышлению, формируя установки и перспективы для усилий мысли. Несмотря на всю оригинальность лингвистической концепции Гумбольдта, она все же вплоть до 20 в. не оказала какого-либо существенного влия-

ния ни на философию, ни на лингвистику. Философия по-прежнему стремилась очистить структуры знания и мышления от сопряженности с языком, повернуть в своей критической рефлексии от мышления, погруженного в неоправданные отождествления, в метафоры, в полисемичность, присущие естественному языку, к чистому мышлению в понятиях, имеющих объективное, надличностное и однозначное значение. Собственно классическую философию интересовал скорее всего мир идеальных значений, а язык предстал либо как податливый материал выражения этого значения, либо как неадекватная форма выражения этого идеального значения, что присуще естественному языку, который должен быть критически проанализирован.

Ситуация принципиально изменилась уже в конце 19 — начале 20 в. Уже Ф.Ницше связал все заблуждения с языком, с гипостазированием и с онтологизацией слов — фикций. Немецкий идеализм он называл «метафизикой языка» (*Sprachmetaphysik*). Ф.Маутнер, отождествив мышление и речь, выдвинул программу критики языка как источника антропоморфизации, фетишизма и метафоричности. В языкознании возникли концепции, которые не просто возвращались к идеям Гумбольдта, но и развивали их. Так, Г.Штейнталь выделил в языке 1) речь, 2) способность к языку, 3) материал языка. К.Бюлер, стремясь реализовать замыслы Гумбольдта, выдвинул ряд аксиом нового языкознания — 1) язык как органон, 2) знаковая природа языка, 3) анализ языка как речевого действия и речевого акта, как языкового произведения и языковой структуры, 4) язык как система из слов и предложений³³. Неогумбольдтианство (Л.Вейсгербер, Г.Г.Шпет) раскрыло языковое понимание как миропонимание, поняло естественный язык как орган создания мысли и постижения мира и, обратившись к внутренней форме языка, рассмотрело образование форм духа благодаря языку и в языке. Одна из особенностей лингвистики 20 в. — соединение структурализма и семиотики. Основатель структурализма — Ф.Соссюр в «Курсе общей лингвистики», который он читал на протяжении 1907—1911 гг. и который был издан в 1916 г., провел различие между языком как структурой возможных и реальных норм и речью как совокупностью актов. Ч.Моррис предложил понять процесс семиозиса как процесс, совершающийся в трех измерениях: знак может быть осмыслен либо в своих взаимоотношениях с другими знаками или с совокупной знаковой системой, т.е. синтаксически, либо в своем отношении

к предмету, который он обозначает, т.е. семантически, либо в отношении к говорящему, который использует те или иные знаки, т.е. прагматически.

Неопозитивизм, отталкиваясь от работ Г.Фреге, вначале стремился понять язык как средство общения и ориентировался на построение синтаксиса языка (Р.Карнап и др.), в котором задача логики и философии интерпретировалась как логический анализ языка и как языковая терапия (Б.Рассел, Дж.Айер). Эта линия, связанная с различением языка-объекта и метаязыка и с ориентацией на анализ структур языка науки, нашла свое продолжение в генеративной грамматике Н.Хомского. Л.Витгенштейн, который в «Логико-философском трактате» усматривал задачу философии в прояснении слов, позднее в «Философских исследованиях» выдвигает понятие «языковой игры», в котором подчеркивается, что значение слов обусловлено словоупотреблением, т.е. обращает внимание на прагматический характер языковых значений, а использование языка трактуется им как вид языковой активности. Интерес к прагматике языка характерен как для инструментализма и прагматизма (Д.Дьюи, К.И.Льюис, У.В.О.Куйайн), так и для анализа обыденного языка (Д.Уиздом, Д.Райл, Д.Л.Остин, П.Ф.Стросон), где философия понимается как анализ употребления языка и как выявление смыслового богатства естественного языка. Если в 1950—60-е гг. господствовал структурализм и семиотический подход к языку как системе знаков, то в 70-е гг. и в самом языкознании, и в философии языка произошли существенные сдвиги — в центре внимания оказались не только искусственные языки и их семантика, но и естественные языки, синтаксические аспекты языка анализировались в единстве с семантическими, а семантика была понята как экспликация истин и логического следствия (ср. с идеей Л.С.Выготского о смысле в синтаксисе внутренней речи). Это направление в философии языка нашло свое развитие в теории речевых актов, где языковые выражения были поняты не как предметы, а как действия (Д.Остин, *Серл*). Лингвистика в 70-е гг. обратилась к исследованию единиц, более крупных, чем предложение (лингвистика текста, анализ *дискурса*), что существенно трансформировало и ее предмет, и методы. Предметом ее внимания стали уже не понятия с объективностью и однозначностью их значения, а *концепты*, формирующиеся вербальным мышлением в актах речи, практического употребления языка, в различных формах концептуализации людьми мира (концептуальный анализ А.Вежбицкой,

Н.Д. Арутюновой, приведший к формированию программы семантики культуры). Поворот лингвистики к риторике и философии к неориторике, начатый А.А. Ричардсом в «Философии риторики» (*The philosophy of rethoric*, Oxf., 1936) позволил не только выявить новые аспекты функционирования языка (письменность и речь, структура диалога, речь и язык, речевая коммуникация), но и показать связь принципов логики с процедурами речевой аргументации, расширить область значений до универсального континуума смыслов, выражающихся в концептах, в системе общих топов (мест), обратить внимание на специфические процедуры как понимания текста, так и достижения взаимопонимания и консенсуса. Анализ речевого дискурса привел к построению нарратологии и различных концепций рассказа и устной речи, к осознанию эвристической функции метафор (М.Фосс, М.Хессе, П.Рикер), связи языка и стиля (Г.Винокур, Д.Лайонз). Тем самым предмет и языкознания, и философии языка существенно расширился к концу 20 в. — предметом их изучения стал не просто язык как активность мышления, но и речь, речевая коммуникация и все формы использования языка, понятые как способы действия, формирующие континуум смыслов, обладающих полисемичностью и омонимией, не редуцируемых к однозначным и идеально-объективным значениям и предполагающих в качестве способов своего выражения фигуры речи, метафоры и тропы. Наряду с логическим анализом языка в философии языка развиваются концепции герменевтической интерпретации языка (Г.-Г.Гадамер и П.Рикер), трансцендентальная прагматика К.О.Апеля, теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса, структурный психоанализ Ж.Лакана, которые делают предметом своего исследования речевые высказывания, языковые коммуникации, прагматику и семантику языка.

Примечания

- 1 *Ренан Э.* Будущее науки. Т. 1. Киев, 1902. С. 29, 76.
- 2 *Мах Э.* Анализ ощущений. М., 1908. С. 19.
- 3 *Мах Э.* Познание и заблуждение. М., 1908. С. 18.
- 4 *Мах Э.* Популярно-научные очерки. СПб., 1909. С. 154.
- 5 *Cohen H.* Logik der reinen Erkenntnis. В., 1902. S. 26.
- 6 *Op. cit.* S. 33.
- 7 *Op. cit.* S. 39.
- 8 *Natorp P.* Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Lpz.—Berlin, 1910. S. 14.
- 9 *Op. cit.* S. 48.
- 10 Именно «в логике отношений математика находит свои основные понятия и принципы; настоящая логика математики есть логика отношений» (*Кутюра Л.* Алгебра логики. Одесса, 1909. С. 102).
- 11 *Кассирер Э.* Познание и действительность. СПб., 1912. С. 17.
- 12 Там же. С. 23.
- 13 Там же. С. 159, 162.
- 14 Там же. С. 173.
- 15 Там же. С. 304.
- 16 *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1 // *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 320-321.
- 17 Там же. С. 181.
- 18 Там же. С. 194.
- 19 Там же. С. 198.
- 20 Там же. С. 334.
- 21 Там же. С. 193.
- 22 Там же. С. 345.
- 23 *Revue de Metaphysique et Morale.* P., 1901. P. 145.
- 24 *Дюгем П.* Физическая теория, ее цель и строение. СПб., 1910. С. 137.
- 25 Там же. С. 201.
- 26 *Пуанкаре А.* О науке. М., 1983. С. 8.
- 27 *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты // *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989. С. 369. О философии языка Г.Г.Шпета см. статью: *Гидини М.К.* Слово и реальность. К вопросу о реконструкции философии языка Густава Шпета // Творческое наследие Г.Г.Шпета и современные философские проблемы, Томск, 1997. С. 51-98.
- 28 *Шпет Г.* Сознание и его собственник. М., 1916. С. 1.
- 29 *Вейль Г.* Математическое мышление. М., 1989. С. 70-71.
- 30 *Дворкин И.* «Существование» в призме двух языков — Таргум. М., 1990. Вып. 1. С. 124.
- 31 *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 49.
- 32 Там же. С. 69.
- 33 *Бюлер К.* Теория языка, 1934. М., 1993. С. XIX-XXII.